

Гузнова Алёна Вячеславовна

РОЛЬ ПРОЗВИЩ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ АРЗАМАССКИХ ГОВОРОВ)

В статье рассматривается роль прозвищ в жизни общества на примере арзамасских говоров. Отмечается, что прозвища являются полноценным компонентом диалектной картины мира и представляют собой открытую систему. В образовании прозвищ играет роль психологическое состояние личности прозывающего и прозываемого: их межличностные отношения, их внутреннее состояние. Прозвища играют роль характеристики, отражают принадлежность к коллективу, фоновые знания носителей говора, креативность.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/1-1/23.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 1. С. 89-93. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

как диалект группы «южных диалектов» юго-западной группы иранских языков, несмотря на его очевидную близость по отношению к диалекту Бандар-Аббаса.

Список источников

1. **Мошкало В. В.** Башкарди группа диалектов // Языки мира. Иранские языки. Юго-Западные языки. М.: Индрик, 1997. С. 194-198.
2. **Пелевин М. С.** Диалект бандари Южного Ирана // Страны и народы Востока. СПб., 1998. Вып. XXX. Центральная Азия. Восточный Гиндукуш. С. 109-122.
3. **Пирейко Л. А.** Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М.: Наука, 1968. 72 с.
4. **Полевой материал автора Грачева М. С.:** Иран, провинция Хормузган, город Бандар-Аббас и окрестности, 2016 г.
5. **Соколов С. Н.** Древнеперсидский язык // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979. С. 145-190.
6. **Эдельман Д. И.** К проблеме языка, или Диалект в условиях отсутствия письменности // Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1980. С. 127-147.
7. **Anonby E.** The Keshmi (Qeshmi) Dialect of Hormozgan Province, Iran. A First Account // Studia Iranica. Paris, 2015. Vol. 44. P. 165-206.
8. **Barbera G.** The palm in Minab // Proceedings of the 5th Conference of the Societas Iranologica Europea. Milano: Mimesis, 2006. Vol. 2. P. 317-335.
9. **Gershevitch I.** Travels in Bashkardia // Journal of the royal Central Studies Society. London, 1959. Vol. 46. P. 213-225.
10. **Lecoq P.** Les dialectes du sud-ouest de L'Iran // Compendium Linguarum Iranicarum. Wiesbaden: Reichert, 1989. P. 341-348.
11. **Payne J. R.** Ergative construction [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/ergative-construction> (дата обращения: 10.11.2017).
12. **Skjærvø O.** Languages of Southeast Iran: Lārestānī, Kumzārī, Baškardī // Compendium Linguarum Iranicarum. Wiesbaden: Reichert, 1989. P. 363-369.
13. 1384. گویش مینابی. بررسی و توضیف زبانشناختی. تهران 1384. (Бахмани Х. Диалект минаби. Исследование и лингвистический анализ. Тегеран: Сабзон, 2005. 262 с.).
14. 1380. فتحی آذر. ساخت فعل در گویش بندر (بندر عباس) "لهجه محله پشت شهر" // مجموعه مقالات نخستین همندیشی گویش شناسی ایران. تهران 1380. (Фатхи А. Глагольная морфология в диалекте бандари // Сборник материалов первой конференции по иранской диалектологии. Тегеран, 2001. С. 423-440).
15. شیراز. سید عبدالجلیل قتالی. بررسی گویش و واژگان بندرخمیر. شیراز: Илаф, 2009. 340 с.).
16. تهران 2007. پروانه زارعی پور. ساخت فعل در گویش مینابی. تهران 2007. 106 с.).

VERBAL SYSTEM OF THE SOUTH IRANIAN KHAMIR DIALECT

Grachev Mikhail Sergeevich
Saint Petersburg University
Aegis_91@mail.ru

The article examines the verbal paradigm in the Khamir dialect. The dialect refers to the south-western group of the Iranian languages, and within it – to “coastal dialects”. There were no publications on this issue in Western literature. The study is based on comparing verbal forms of the dialect with the appropriate forms in the related Minabi and Bandari dialects. Analyzing verbal paradigms the author proposes a hypothesis on the place of the Khamir dialect among the other south-western Iranian languages.

Key words and phrases: Khamir dialect; Iranian linguistics; Iranian dialectology; verbal morphology; Hormozgan dialects; Bandari Abbas dialects.

УДК 81'282.2

В статье рассматривается роль прозвищ в жизни общества на примере арзамасских говоров. Отмечается, что прозвища являются полноценным компонентом диалектной картины мира и представляют собой открытую систему. В образовании прозвищ играет роль психологическое состояние личности прозываемого и прозываемого: их межличностные отношения, их внутреннее состояние. Прозвища играют роль характеристики, отражают принадлежность к коллективу, фоновые знания носителей говора, креативность.

Ключевые слова и фразы: оним; персоним; микроименование; микроантропоним; прозвище; диалектная картина мира; номинация.

Гузнова Алёна Вячеславовна, к. филол. н.
Нижегородский государственный инженерно-экономический университет
alena_guznischeva@mail.ru

РОЛЬ ПРОЗВИЩ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ АРЗАМАССКИХ ГОВОРОВ)

Роль онимов в жизни человека велика и общеизвестна. В. Н. Топоров отметил, что имена собственные являются «неотъемлемой характеристикой человеческих коллективов в отличие от животных коллективов» [9, с. 3].

Онимы сопровождают человека на всём жизненном пути; в древности имени уделялось особое внимание: оно носило сакральный смысл, что обуславливало необходимость тщательного утаивания персонима – современное же отношение к предубеждениям изменилось: люди не только не скрывают свои официальные имена, но и меняют их на более приглянувшиеся, поддаваясь влиянию моды. Онимы в целом и антропонимы в частности оказываются не просто языковыми знаками, а полноправными участниками бытия, способными не только называть, но и обозначать при необходимости [4, с. 9], что прослеживается в речи народа. Особенно живо реагируют на изменения в обществе микроименования.

Живой народный язык, неформальное общение являются благоприятной средой для образования и функционирования микроантропонимов. Данный факт определяет особенность микроименований – близость к именам нарицательным. «Микроименования близки к нарицательным и отличаются от них лишь привязанностью к отдельным объектам, которым они даны в индивидуальном порядке» [7, с. 169]. В этом секторе онимического пространства важную роль играют прозвища как идентификаторы личности, определители её характерных особенностей и жизненных установок. В данной статье анализируется роль прозвищ в жизни общества на полевых материалах: прозвищах в арзамасских говорах, собранных в ходе диалектологических практик в конце XX – начале XXI века студентами и преподавателями Арзамасского государственного педагогического института им. А. П. Гайдара (сейчас – Арзамасский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского») в полевых условиях [6].

А. К. Матвеев отмечает: «...параметры объектов во многом определяют народное видение и номинативный процесс...» [4, с. 7]. Номинацию микроантропонимом (в том числе и прозвищем) человек получает от своего окружения за какую-либо отличительную черту внешности, характера или поступок, причём именование может образоваться как от имени нарицательного, содержащего характеристику, так и от имени собственного в результате его различных преобразований. Суть номинации вскрывается в деривате путём ассоциации и мотивации, при отсутствии которой утрачивается истинная причина возникновения прозвища, а с уходом носителей говора – и само прозвище. Например (здесь и далее приведён материал арзамасских говоров, которые являются частью нижегородских): **Бёлый**, м., необидн. Прозвище мужчины. *Он был чёрный-чёрный, супратив назвали Белый* (с. Шатовка) – номинация по противоположности; **Гайшник**, м., обидн. Прозвище женщины. *Рана встанет и высматриват всё везде, а то и на дорогу выдет, руки в бока, да смотрит, кто чёво делат* (с. Мотовилово) – номинация по особенности поведения, женщина прозвана словом мужского рода; **Бульбашка**, м., необидн. Прозвище мужчины. *Манинькова дома прозвали, а за что Бульбашка, не знай* (с. Никольское) – утрата причины номинации, отсутствие толкования смысла производящего слова; **Клоп**, м., обидн. Прозвище мужчины. *Не знаю я, девки. Щас никто его так не называют, потому что он больна сильна убижатся* (с. Водоватово) – утрата причины номинации, наличие обидной коннотации приводит к сокращению использования номинанта и дальнейшему исчезновению.

Прозвища являются полноценным компонентом языковой картины мира (ЯКМ), а точнее диалектной как составной части ЯКМ, представляя собой открытую систему: какая-то часть уходит, какая-то приходит в связи со сменой поколений. Немаловажную роль в образовании прозвищ играет психологическое состояние личности прозывающего и прозываемого: их межличностные отношения, их внутреннее состояние, например: **Баклан**, м., обидн. Прозвище мальчика. *Баика у нёво пустая, а мать всегда говорит: «Баклан пустой», – вот и мы Бакланам зовём* (с. Ковакса); **Балабон**, м., обидн. Прозвище мужчины. *Сроду ни знай, чево набалтат, быват скажеш ему, да атстань чай, Балабон, ну и прилепилась к нему, Балабон, да Балабон, а чё абижатся, коль так и ешь, а он всё злится* (с. Н. Усад); **Валюша**, ж., обидн. Прозвище женщины. *Она женщина злая, с людьми мала разговариват, с кем захоцет поговорит, а то и не станет, все её Валюша да Валюша, а в глаза не скажут* (с. Котиха); **Дёвушка с характером**, обидн. Прозвище женщины. *Дева стара есть у нас, скажешь чево невпопад, обижається, вот и прозвали так* (д. Берёзовка). Данные прозвища являются экспрессивно-окрашенными, обидными.

Прозвище выполняет роль характеристики, «бирки», визитной карточки прозываемого, которой наделили его носители говора, например: **Лёва**, м., необидн. Прозвище мужчины. *Маленький был лохматый. Так и стали звать Лёвай, не обижатся* (д. Мерлино); **Кёшечка**, ж., необидн. Прозвище женщины. *Всё время волосы приглаживала, как кошка, вот и прозвали, и в глаза называют, в шутку* (с. Бебяево). Как отмечает А. К. Матвеев, «в именах слова, словосочетания, предложения могут рассматриваться как звуковой материал, смысловое неомастическое содержание которого, иногда очень существенное в момент возникновения имени, может быть затем утрачено безо всякого ущерба для его функционирования» [Там же, с. 9], что наблюдается и в арзамасских говорах: **Авоська**, ж., шутл. Прозвище мужчины. *Вместа если гаварил авось, он и стал Авоська. Кагда так завут, сам смеётся* (с. Н. Усад); **Дёктор по машинам**, необидн. Прозвище мужчины. *Слесарь, хорошó в технике разбирается, вот и зовут Доктор по машинам* (с. Шатовка); **Ваня Самолёт**, м., обидн. Прозвище мужчины. *Он так вроде косой, всё куда-та вверх смотрит, вот и Самолёт. Обидна, в глаза не назовут* (с. Бебяево); **Елёнушка Прекрасная**, ж., обидн. Прозвище женщины. *Сидит всю дарогу у аошка, ничево не делат, патаму так и прзвали* (с. Хватовка); **Землемёр**, м., обидн. Прозвище мужчины. *Морозава Саньку Землемерам прозвали, потому что он ходит, будта бы землю мерит. При нём-та нет, не говорим, а то обидна* (с. Новосёлки). Необидные и обидные прозвища функционируют в речи как отличительные характеристики именованных людей: необидные могут использоваться как обращения, а обидным свойственно заглазное употребление. Однако в говорах встречаются прозвища, которые со временем изменили свой статус – были обидными, а стали необидными: их носители привыкли к наименованиям,

смириться с ними и воспринимают теперь как отличительный показатель, отзываясь при обращении: **Дуб**, м., необидн. Прозвище мужчины. *Дуб он у нас, дубовый, ничаво до него не даходит, долга думат, сначала абижался, а щас нет, так и завём* (с. Н. Усад); **Жмуры́к**, м., необидн. Прозвище мужчины. *Мы его смоладу Жмурыком завём, он-та всё время жмуруется, будта кот, что сметаны наелся. Мы ему всё Жмурык да Жмурык, а ему что делать. Акликатся* (с. Н. Усад); **Козлѐнок**, м., обидн. Прозвище мужчины. *Ефимка Козлѐнок был, пачѐму так прозвали, не знаю, он умер ужсо. Сначала абижался, потом привык* (с. Саблуково). На наш взгляд, изменился психологический подход прозываемых к своим именованиям (им пришлось смириться с мнением окружающих), а подобные прозвища остались обидными в сознании носителей говора, очное именование ими служит назиданием остальным как острастка – будешь таким, как прозываемый, получишь обидное прозвище-бирку, от которого не избавишься и будешь жить с ним всю жизнь.

Прозвища в большинстве своём имеют негативную окраску, в лучшем случае выражают снисходительность, поэтому чаще используются при разговоре о третьем лице: *а в глаза не скажут; как же, абижатся; а он убижатся; кагда и в лицо так назовут, кагда как*. Обидных прозвищ в арзамасских говорах значительно больше, чем необидных. Данный факт обусловлен менталитетом и традициями языкового коллектива. Исследователь А. А. Мельникова полагает, что «в русской культуре принято видимым образом проявлять свои эмоции» [5, с. 179]. «Упор в осмыслении мира делается не на логике, а на постижении через вчувствование, через настройку на него – через конформизм с миром» [Там же, с. 223], через показатель в линии «норма – ненорма». Прозвища выполняют роль нормативных регуляторов в обществе. Тот, кто не подобен всем, кто имеет какую-либо негативную отличительную черту, подлежит осуждению, высмеиванию со стороны коллектива, что находит отражение в языке, в прозвищной картине мира, так как отрицательное мешает жить в коллективе: **Мáленький-рвáненкоый**, м., обидн. Прозвище мужчины. *Ёму скажут: «Шур, ты рванай». «Да я мамины чулки надел». Да, чай, в глаза-та никто не называет, так, меж собой* (с. Семёново); **Нѐмец**, м., обидн. Прозвище мужчины. *Фашист, он и есть фашист, злой да парядак уж больна любит. Любова немцам абзави, абидится. В лицо-та его так не зовут, тока за глаза* (с. Хватовка); **Петушóк**, м., необидн. Прозвище юноши. *Кричит больна громка, потому и зовём Ваську Петушок* (с. Пятницы).

Прозвище возникает только в узком, тесном коллективе людей, является знаком принадлежности к этому коллективу. Даже уничижительные прозвища (а их в микросистеме или нет, или они единичны, поскольку имеют очень резко отрицательную окраску, отрицательную в высшей степени) не исключают прозываемое лицо из коллектива (уничижительные, но не уничтожающие морально, духовно): **Свинья́**, ж., обидн. Прозвище женщины. *Ета обидна, она пѐт, всё прапила, всё. Уже с сушил доски стаскиват, прапиват. Вот с той весны и да сѐво дня не удново дня трезва не быват, всё прапила, а у них ничто и не болит. Вот* (с. Б. Туманово); **Попы́калка**, ж., обидн. Прозвище женщины. *Зайка ана, вот и зовут Папыкалкай. Не в глаза канечна, а то абидна ведь* (с. Хватовка) – в заглазном употреблении усматривается терпимое, жалостливое отношение к прозванным людям, что свойственно менталитету русского народа [1-3]. Прозвища, хотя и отрицательные, но отрицательные, так сказать, по-доброму (как ни парадоксально это звучит), скорее, они отражают критическое отношение к недостаткам именуемых лиц и в то же время снисходительность, терпимость, жалость к самим людям (особенно к лицам с физическими недостатками, речевыми дефектами, отражёнными в прозвищах) как к своим, относящимся к своему коллективу.

Менталитетом любого народа предусмотрена оппозиция «свой – чужой», что проецируется и на малых группах, проживающих на небольшой территории: жители одного населённого пункта воспринимают друг друга как своего, а любого приезжего из другого населённого пункта идентифицируют как чужого, не такого, как все, относятся к нему настороженно. Данный факт иллюстрируют и прозвища: **Селямáниха**, ж., обидн. Прозвище женщины. *Она из Селѐмы. Их оттудава silkом выселяли. Как пойдѐшь бывала её ругать: Селяманиха ты едака* (с. Пошатово); **Хохлúшка**, ж., обидн. Прозвище женщины. *Она цужая, не наша, вот и стали звать Хохлушкой* (с. Никольское); **Чувáшка**, ж., обидн. Прозвище женщины. *Ана из Чувашии приехала давно, но ана не знат, что её так зовут, а то абидится* (с. Н. Усад).

Прозвище проявляет фоновые знания диалектоносителей, их уровень и объём, например: **Кринкí**, необидн. Прозвище семьи. *Семья цѐла была, многа их была, как кринак, что ль. При них пряма и зовут Кринками* (с. Красное); **Пипин Корóткий**, м., необидн. Прозвище мужчины. *На самом деле он высоченный, а уж Коротким-ти на смех прозвали. А Пипин почѐму, дык он кепку всё время пипкай носил* (с. Абрамово).

Прозывание человека в социуме не имеет возрастных ограничений. Микроантропонимы репрезентируют человека таким, каким его видят и воспринимают прозывающие, вынося в прозвищную номинацию те качества и характеристики личности, которые они подмечают, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни. В зависимости от места, среды возникновения прозвища складывается его функционирование в речи, его судьба. Так, индивидуальные (или лично-индивидуальные) прозвища различаются в зависимости от среды, в которой они появляются:

- внутрисемейные (1%), например: **Ёрошка**, ж., обидн. Прозвище мужчины. *Был он небольшой, ёго остригли. Мать постригла и говорит: «Ой, как Ёрошка». По селу ёго так и звали* (с. Семёново);
- школьные (7%), например: **Каблúк**, м., обидн. – прозвище девочки. *Ей Каблукова фамилья, поэтому и каблук* (с. Б. Туманово);
- профессиональные (2%), например: **Кузнѐц**, м., необидн. Прозвище мужчины. *Шурка в кузнице работал вот его кузнецом и звали, эта не обидна* (с. Ленинское);

• бытовые (90%), например: **Комár**, м., обидн. Прозвище сына и отца. *Хто же знат. Прозвали Кама-ром, да и всё. И сын Комар, и отец Комар, всяка прозвище оно нехарошо конечна* (с. Б. Туманово); **Крóблик**, м., обидн. Прозвище мужчины. *Похож он на кролика, рожца узенька, уши длинны* (с. Абрамово).

Появившись в том или ином узком коллективе (в семье, в школе, профессиональном объединении), прозвища могут выйти за его пределы и стать достоянием всех жителей села.

В арзамасских говорах прозвища различаются в соответствии с возрастом прозываемого:

• детские (8%), например: **Крокодílл**, **Крокодílл Гéна**, м., необидн. Прозвище мальчика. *Звать меня Гена, а ребята зовут Кракодил Гена* (с. Волчиха);

• подростковые (2%), например: **Варáн**, м., необидн. – прозвище юноши. *Фамилия Варакин, а прозвали Варанам* (с. Чернуха); **Таракáн**, м., обидн. – прозвище юноши. *Ну мы рай знам, почему Таракáн прозвали, ребятаищи чай всё выдумават* (д. М. Туманово);

• взрослые (90%), например: **Танкíст**, м., обидн. – прозвище мужчины. *Матоцикл у него вечна таракит, как танк, вот и прозвали Танкистам* (с. Чернуха).

Наиболее представлена в говорах группа прозвищ взрослых людей, что связано с возрастом информантов и их кругом общения: при собирании материала в полевых условиях основная масса опрошенных представлена старшим поколением, являющимся носителем самобытного языкового колорита населённого пункта. Среди группы взрослых прозвищ стоит отметить имеющиеся в картотеке антропонимической лексики, хранящейся в диалектологической лаборатории кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала ФГАОУ ВО ННГУ им. Н. И. Лобачевского [6], единичные случаи именования пожилых людей, например: **Бáрин**, м., необидн. – прозвище пожилого мужчины. 1. *Он один живёт. У него нету телевизора, нету газет, ничёво не делат, как барин*. 2. *Барин-та потому что один жил, в соседней деревне, как барин. Вроде не убивается* (р.п. Чернуха); **В полпéрца мать**, необидн. – прозвище пожилого мужчины. *Ругается он сильна, а эта его любима выражение* (с. Мотовилово).

Индивидуальные прозвища возникают в населённом пункте, являясь зеркалом общественного мнения о человеке, иллюстрируют характерные особенности прозываемого, отношение к нему, его статус среди носителей говора, например: **Крýса**, ж., необидн. Прозвище женщины. *Уцýла она, робята её не любят, злая уж больна* (с. Абрамово); **Лоботрýс**, м., обидн. Прозвище мужчины. *Он больна ленивай был всегда, вот так и зовут с детства Лоботрясом* (д. Лидовка); **Малíнка**, ж., необидн. Прозвище женщины. *Румяна она как малина, вот так её и прозвали Малинкай* (с. Ветошкино); **Мичúрин**, м., необидн. Прозвище мужчины. *Сад у няво бальшой, любит уж больна он яво. Вот и назвали яво Мичурин* (с. Н. Усад); **Парúнька**, ж., необидн. Прозвище женщины. *Она родам из Вадоватова, а в Ветошкине вадоватовских зовут паруньками* (с. Ветошкино); **Трýнка**, ж., обидн. Прозвище женщины. *Она не даст никому слова сказать, ты-ты-ты-ты-ты. Обидна, в глаза не зовут* (с. Бебяево). Такие единицы в арзамасских говорах наиболее распространены.

Прозвища – это реализация культурной традиции: в арзамасских говорах функционируют прозвища, свидетельствующие о языческих временах, например: **Ярýла**, м., обидн. – прозвище семьи. *В честь праздни-ка Ярила. Ярила да Ярила, всю семью называли* (с. Вьездное) – по именованию бога солнца у славян; **Ягá**, ж., обидн. – прозвище женщины. *Страшна больна, как Баба Яга* (с. Веригино) – по именованию языческой тёмной колдуньи; **Лéший**, м., обидн. – прозвище юноши. *Его зовут Лёшей, а мы зовём Леший* (с. Семёново) – по именованию языческого духа леса; **Барабáшкин**, м., обидн. Прозвище мужчины. *Он дебошир* (с. Пешелань) – в основу именования положена особенность поведения, *как у барабашки* (барабашка в народных суевериях – «невидимое существо, поселяющееся в доме и оказывающее хозяевам помощь или приносящее вред; домовый» [8, с. 75]); **Геркулéс**, м., обидн. Прозвище юноши. *Геркулесам-та Вовку зовут, он всё время на Тёше обитатся* (с. Б. Туманово) – по имени древнегреческого героя Геркулеса из мифов.

Прозвищная номинация – уникальное явление в онимическом пространстве, в языковой картине мира, в основе происхождения которого лежат лингвистические и экстралингвистические факторы. В целом прозвища, являясь важным фрагментом диалектной картины мира, раскрывают мировосприятие сельских жителей, прецедентные имена свидетельствуют об их фоновых знаниях, о кругозоре, а также отражают творческий характер диалектоносителей, креативность народа.

Список источников

1. **Климкова Л. А.** «Жалеть» в региональной языковой картине мира русского человека // Сельская Россия: прошлое и настоящее: доклады и сообщения 8-й рос. науч.-практ. конференции. М., 2001. Вып. 2. С. 202-204.
2. **Климкова Л. А.** Жалость, не унижающая человека // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сб. ст. по материалам междунар. науч. конф. молодых учёных. Н. Новгород, 2010. С. 140-146.
3. **Климкова Л. А.** Концепт «жалеть» в русском языковом сознании // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. Тамбов, 2008. С. 217-219.
4. **Матвеев А. К.** Апология имени // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 7-13.
5. **Мельникова А. А.** Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб.: Речь, 2003. 320 с.
6. **Прозвища в арзамасских говорах** // Диалектологическая лаборатория кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала ФГАОУ ВО НИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского.
7. **Суперанская А. В.** Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 365 с.
8. **Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения** / под ред. Г. Н. Складчиковой; Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
9. **Топоров В. Н.** Из области теоретической топонимистики // Вопросы языкознания. 1962. № 6. С. 3-12.

**THE ROLE OF NICKNAMES IN SOCIAL LIFE
(BY THE MATERIAL OF ARZAMAS DIALECTS)**

Guznova Alena Vyacheslavovna, Ph. D. in Philology
Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics
alena_guznischeva@mail.ru

The article examines the role of nicknames in social life by the example of the Arzamas dialects. The author concludes that nicknames are full-value components of the dialect worldview and constitute an open system. Nickname formation is influenced by a psychological state of a person who gives a nickname and a person nicknamed; their interpersonal relations, internal state. Nicknames come out as individual characteristic, represent affiliation with the community, background knowledge of dialect bearers, creativity.

Key words and phrases: onym; personym; micro-naming; micro-anthroponym; nickname; dialect worldview; nomination.

УДК 81.22

В данной статье рассматривается репрезентация деонтических норм в афоризмах немецкой лингвокультуры, коррелирующих с морально-этической категорией «Правда». Функциональные особенности афоризмов, их оценочный характер позволяют проанализировать новые нестандартные установки и оценки морально-этических норм взаимоотношений людей в немецкой лингвокультуре. С помощью афоризмов лингвокультура немецкого этоса обогащается новыми интерпретациями, толкованиями, заимствованными из других культур. Воспринятые в немецком сообществе, включенные в сборники афоризмов на немецком языке данные языковые единицы позволяют проследить акцентирование внимания в немецкой лингвокультуре на релевантных нормах поведения.

Ключевые слова и фразы: деонтические нормы; афоризмы немецкой лингвокультуры; морально-этические категории; категория «Правда»; семантический анализ афоризмов.

Демидкина Екатерина Александровна, к. филол. н.
Воронежский государственный педагогический университет
demmidkina@yandex.ru

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕОНТИЧЕСКИХ НОРМ В АФОРИЗМАХ НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ,
КОРРЕЛИРУЮЩИХ С МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЕЙ «ПРАВДА»**

Понятие «норма» предстает объектом исследования науки с давних времен. Применительно к лингвистическим исследованиям Ю. Н. Караулов отмечает, что «норма, учитывающая как системный, так и эволюционный аспекты языка, невозможна без третьей координаты – личностной, т.е. языкового сознания» [8, с. 156]. Как свидетельствуют многочисленные работы Н. Д. Арутюновой, В. Н. Телия, Ю. Д. Апресяна, Е. М. Вольф, в каждой культуре формируются определенные нормы языка, а на определенном этапе существования культуры – свой нормативный канон личности [1; 2; 3; 11]. Нормативный облик человека зависит от того, на каком этапе развития находится само общество. Именно это определяет, каким должен предстать индивид в социально-культурной среде, какими качествами он должен обладать и каких норм поведения ему следует придерживаться [9]. Нормы поведения передаются из поколения в поколение с помощью языка, а также через языковые образы. Сама норма, образец не вызывает интереса в сознании говорящего, так как зачастую содержание высказываний связано с отклонением от норм, поэтому сама норма имеет слабую фиксированность в языке. «Стандарт не возбуждает ни интереса, ни эмоций. <...> Сфокусированность сообщений на отклонениях от нормы и стереотипа жизни ведет к тому, что значения, соответствующие флангам градиционной шкалы, богато представлены в языке, а срединная часть бедно» [2, с. 65].

Отдельной категорией норм являются деонтические нормы. В целом деонтическая норма связана с нормами и правилами поведения человека, необходимыми для функционирования общества, которые закрепляются в индивидуальном сознании и выступают в качестве обязательных регуляторов поведения [12]. Согласно определению В. И. Карасика, «деонтические нормы – это нормы, которые определяют правила поведения индивидов. Деонтическая норма включает в себя правовые, морально-этические нормы, социальные правила и нормативы, которые в большинстве своем не являются универсальными для всех народов» [7, с. 338].

Деонтические нормы как таковые регулируют поведение людей, обуславливают функционирование общества и признаются большинством его членов. Следует подчеркнуть их безусловно социальный характер и строго определенные границы.

В понятие деонтической нормы «включаются нормы кодекса, морали, этики, а также разного рода социальные правила и нормативы» [6, с. 22]. Благодаря предписывающему, а не отражательному характеру деонтических норм объектом их оценки является не степень реализации нормы, а сам факт ее соблюдения или